

14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 7486. — Оп. 7. — Д. 1610.
15. РГАЭ. — Ф. 7486. — Оп. 21. — Д. 384.
16. Речь на пленуме ЦК КПСС 25 декабря 1959 г. «Полнее используем резервы для дальнейшего подъема сельского хозяйства» // Хрущев Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства / Н. С. Хрущев. — Т. 4: Май 1959 года — февраль 1961 года. — М., 1963. — 479 с.
17. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. — М., 1960. — 666 с.
18. Сельское хозяйство СССР: стат. сб. — М., 1971. — 711 с.
19. Численность скота в СССР: стат. сб. — М., 1957. — 619 с.

Информация об авторе

Андреевков Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор аграрной истории, Институт истории СО РАН, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: andreenkov_sn@mail.ru.

Author

Sergey N. Andreenkov — Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of history of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev str., 630090, Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: andreenkov_sn@mail.ru.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)61

В.Ю. БАШКУЕВ

МЕДИЦИНСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКУЮ АССР В 1920 — НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ*

Работа является попыткой современной оценки значения советских медицинских и антропологических экспедиций, изучавших проблемы здоровья и быта, производительный потенциал бурят в 1920-х — начале 1930-х гг. Процессы нациестроительства в Бурят-Монголии рассматриваются сквозь призму и в контексте внешне-политических интересов СССР во Внутренней и Центральной Азии.

Ключевые слова: Бурят-Монголия, геополитика, Монголия, научное изучение, производительные силы, социальные болезни, наследственность, социальная гигиена.

V.YU. BASHKUEV

SOVIET MEDICAL AND ANTHROPOLOGICAL EXPEDITIONS TO BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN 1920 — EARLY 1930s

This paper is an attempt to reassess the meaning of Soviet medical and anthropological expeditions studying problems of health and living conditions

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 14-06-00312).

as well as production potential of Buryats in the 1920s — early 1930s. Nation-building processes in Buryat-Mongolia are viewed through the prism, and in the context of foreign policy goals of the USSR in Inner and Central Asia.

Keywords: Buryat-Mongolia, geopolitics, Mongolia, scientific study, productive forces, social diseases, heredity, social hygiene.

В статье дается оценка роли и значению советских медицинских и антропологических экспедиций, активно изучавших особенности организма, проблемы здоровья, и быта, а также производительный потенциал бурят в 1920-х — начале 1930-х гг. Процессы нациестроительства бурятского народа рассматриваются сквозь призму и в контексте внешнеполитических интересов Советской России во Внутренней и Центральной Азии. Позиционировавшаяся как «форпост социализма на буддийском Востоке» новорожденная автономия, по своей глубинной сути, являлась геополитическим проектом, нацеленным на «пробуждение угнетенных масс» Азии и на трансляцию вглубь обширного региона положительного образа социалистической трансформации близкородственного монголоязычного этноса.

Большое значение, придававшееся первыми лицами страны строительству социалистической бурятской государственности на границе с перспективным в плане экспорта идеологии монгольским миром, предопределило приоритет БМАССР в распределении необходимых для быстрой социально-экономической трансформации ресурсов. Это, прежде всего, касалось проблемы совершенствования самого человеческого материала, в большевистской терминологии того периода именовавшегося «малокультурным народом». Требовались срочные меры по превращению нацменьшинства, ведущего кочевой образ жизни со всеми свойственными окраинам бывшей империи проблемами (социальные болезни, низкая рождаемость, высокая смертность, незнание русского языка, «культурная отсталость»), в венец коммунистической социальной инженерии — человека новой социалистической генерации.

Планомерные действия по решению насущных проблем социально-экономической отсталости были возможны при условии тщательного изучения ситуации профессионалами, сбора достаточного количества эмпирических данных, их анализа, и выработки соответствующих кратко- и среднесрочных стратегий. В тот период СССР находился в самом начале строительства принципиально новых административных и производственных отношений и институтов. Поэтому в вопросах, связанных с социально-экономической модернизацией окраин, приходилось полагаться на проверенные еще в Российской империи методы и средства. В области медицинского и научного изучения окраинных народов это были экспедиции, как узкоспециализированные, так и более широкой научной направленности, организованные Академией наук

СССР и профильными ведомствами, в данном случае Наркоматом здравоохранения РСФСР.

20 октября 1925 г. председатель СНК Бурят-Монгольской АССР М.Н. Ербанов направил в московское представительство республики телеграмму, в которой содержалось задание срочно установить контакты с руководителями Комиссии по научному исследованию Монголии при СНК СССР. Главу бурятской автономии интересовала возможность включения Бурят-Монголии в сферу деятельности комиссии. Срочность объяснялась несколькими причинами.

Как уже упоминалось, строительство бурятской национально-территориальной автономии на пограничье Центральной Азии виделось большевиками как важный компонент внешнеполитического влияния на азиатские народы. В 1922 г., накануне объединения двух бурятских автономных областей в республику, М.Н. Ербанов и М.И. Амагаев писали: «...Нужно отметить очень крепкие этнографические и культурно-бытовые связи бурят Забайкалья с родственными ими по языку и прошлому монголоязычными массами Восточной и Центральной Азии. Это племенное и религиозное родство делает из бурят при известных условиях незаменимых проводников советского влияния, прежде всего, в соседней Монголии...» [8, л. 2 об.].

Эту точку зрения, в общем, разделяли и бурятские национальные демократы, которых Р.Рупен считал одновременно националистами, панмонголистами и агентами российского влияния в Монголии [10, с. 385]. Стремясь к воплощению собственных объединительных планов относительно монгольского мира, они расширяли горизонт геополитической экспансии в культурно и религиозно гомогенной среде до самого Тибета [10, с. 388]. Здесь мечты национальных демократов о «пан-буддизме» были созвучны как с позицией бурятских большевиков [8, л. 3 об.], так и с представлениями некоторых ключевых фигур советской внешней политики, видевших в Бурят-Монголии «плацдарм мировой революции на буддийском Востоке» [3, с. 186].

Однако помимо сторонников, у бурятской автономии было немало противников, главным образом, в Дальбюро ЦК РКП(б) и в партийно-хозяйственном руководстве соседних регионов. В 1924–1925 гг. всерьез прорабатывались планы создания Ленско-Байкальской области, на основе экономического районирования включавшей в себя территории БМАССР, Иркутской и Забайкальской губерний [7, с. 147–148]. Угроза трансформации молодой республики в часть экономического мега-региона на скромных правах округа объясняет скорость, с которой руководство Бурят-Монгольской АССР задействовало все возможные рычаги воздействия на ситуацию.

Тогда же в СССР наблюдалась актуализация научного изучения Монголии. В 1924 г. Внешняя Монголия начала склоняться к геополити-

ческой орбите СССР. Однако образовавшийся в ней за годы революции и гражданской войны вакуум влияния частично заполнялся конкурентами — Китаем, Японией и США. В 1922 г. Американский музей естественной истории перенес на территорию страны работу своей Центрально-азиатской экспедиции под руководством Р.Ч. Эндрюса. В ответ СССР организовал в 1923 г. работу Монголо-Урянхайской геологической экспедиции И.П. Рачковского на западе Монголии и Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова, формально относившейся к РГО, но финансируемой СНК СССР. Весной 1925 г. при СНК СССР была организована Комиссия по научному исследованию Монголии, которая должна была централизованно осуществлять экспедиции. По мнению В.В. Митина, целью этих действий была монополизация Советским Союзом научного изучения Монголии, предусматривавшая не только проведение комплексных исследований производительных сил и социально-экономической базы страны, но и удаление конкурентов политическим путем. Не случайно в 1925 г. деятельность американской экспедиции в Монголии была запрещена [6, с. 35].

Актуализация изучения Монголии советскими учеными была выгодна обеим сторонам. Монголы получали помощь квалифицированных научных кадров и важнейшую информацию о своей стране, оставляли себе значительную часть экспедиционных материалов и научных находок [6, с. 36]. СССР закреплял свои идеологические и политические позиции в Монголии, создавал «жизненное пространство» и престиж советской науки в стране-сателлите, оказывал формирующее влияние на ключевые институты монгольского общества — образование, науку, культуру и здравоохранение.

Формальная независимость и буферное положение МНР по отношению к возможным противникам в Азии определяли ее геополитическую значимость для СССР. Для Бурят-Монголии же важнейшими аспектами были этнокультурная близость с монголами и пограничное положение региона, предопределявшее ее роль в воздействии на «братскую» страну. Поэтому в своих обращениях в Комиссию по научному исследованию Монголии при СНК СССР и в Академию наук СССР правительство БМАССР подчеркивало «...ее географическое положение как окраинной восточной автономной республики, прилегающей непосредственно к Монголии и имеющей с последней, помимо национального родства и общности языка, также много общего в других областях» [1, л. 5]. Не забывалось и о «практическом значении в деле хозяйственно-экономического развития и советского строительства означенной республики», которое имели бы комплексные научные исследования Бурят-Монголии [1, л. 6].

В конце 1925 г. Комиссия по научному исследованию Монголии постановила включить БМАССР и Урянхай в сферу своей деятельности. С

1926 г. ее название изменилось на Комиссию по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР [5, с. 115]. С политической точки зрения как включение Бурят-Монголии, так и изменение названия имело огромное значение. Национальная автономия в составе РСФСР включалась в сферу полномочий международной комиссии, что сильно повышало формальный статус БМАССР. Де-факто это было признанием геополитической важности Бурят-Монголии и давало определенный иммунитет к попыткам пересмотреть автономный статус бурятского народа под предлогом оптимизации экономического пространства Восточной Сибири.

Однако роль Бурят-Монголии в оказании нужного идеологического воздействия на монгольский ареал Внутренней и Центральной Азии не ограничивалась ее геополитическим положением. Успех в данном предприятии всецело зависел от того, насколько быстро новообразованная национальная автономия сможет справиться с серьезными внутренними проблемами, унаследованными от царизма. На первом плане, без сомнения, стояла проблема человеческих ресурсов. В докладной записке председателя Госплана БМАССР говорилось: «В области знаний о человеке мы стоим перед колоссальной важностью вопросом о так называемом вымирании туземцев, между прочим, бурят-монголов». Указано, что со времен П.С. Палласа и И.Г. Георги серьезных научных исследований человеческого потенциала региона не проводилось. Физическая конституция местных жителей, их трудоспособность и предрасположенность к тем или иным заболеваниям или труду совершенно не исследовались. Неизученными оставались и демографические процессы в регионе. Подчеркивалось, что создание кадрового потенциала республики невозможно без исследований в соответствующих областях [1, л. 10].

Цели, поставленные большевиками, требовали глубинных трансформаций не только традиционного бурятского кочевого социума, но и самих индивидов. Их предстояло излечить от социальных болезней, оградить от эпидемий, физически оздоровить, привить им основы социальной гигиены и новой социалистической культуры, идеологически подготовить к строительству социализма и переносу этого опыта на территорию ближайших соседей. Кроме того, результатов следовало добиться как можно быстрее, чтобы максимально эффективно использовать импульс, заданный революционными трансформациями во Внешней Монголии и ее переходом на геополитическую орбиту СССР.

Утопические с точки зрения современности, эти задачи органично ложились в контекст создания человека нового социалистической генерации, венца большевистской социальной инженерии. Основной проблемой, стоявшей перед национальной автономией в 1920-е гг., было оздоровление автохтонного населения республики. В ноябре 1922 г. М.И. Амагаев писал в своем докладе о состоянии бурятского народа:

«...Процесс вымирания не принял массового характера, но все же он определенно наметился. Ближайшие перспективы развития бурятского населения довольно мрачны. Одна из сторон европейской культуры... нашла крайне благоприятные условия распространения и приняла катастрофический характер — это социальные болезни» [9, л. 27]. На этой же проблеме заострял внимание заместитель наркома здравоохранения БМАССР В.Н. Жинкин [2, л. 150–153]. Об этом же еще в имперский период писали сибирские «областники» [13, с. 99–102].

В основе преемственности подхода, характеризующей эти точки зрения, лежит проблема наследственности, разрушаемой опасными болезнями. Основной целью борьбы с социальными болезнями в контексте оздоровления бурятского народа было спасение этой наследственности. Более долгосрочные задачи предусматривали ее улучшение в направлениях, прагматически определенных большевиками. Без срочного решения проблемы, характерной не только для Бурят-Монголии, но и других регионов, населенных кочевыми народами (например, Казахстана или Монголии), вся идея трансляции положительного опыта социалистической трансформации в монголо-буддийский ареал оказалась бы совершенно несостоятельной.

Из всех учреждений исполнительной власти БМАССР, именно наркомат здравоохранения раньше всех сформулировал и представил в Госплан предварительную повестку планировавшихся экспедиционных исследований по линии Комиссии. В первую очередь обосновывалась необходимость выяснения причин катастрофически низкой рождаемости у бурят (3,6 на 1000 населения). Среди вопросов, подлежавших изучению, перечислялись репродуктивная способность бурятских женщин, данные о границах репродуктивного возраста, особенности половой жизни обоих полов, особенности беременности и родов, их частота и количество на протяжении жизни. Обосновывалось изучение причин детской смертности. Подчеркивалась необходимость исследования эндемических заболеваний бурятского населения, например, зоба, глистных болезней и злокачественных новообразований. Специалисты Наркомздрава БМАССР заостряли необходимость изучения социальных заболеваний, прежде всего, сифилиса и туберкулеза [1, л. 21].

В плане АН СССР на 1927 г. предусматривалось изучение населения Агинского аймака. В намеченные действия входили расологические, медико-санитарные и этнологические исследования, которые должны были выполняться тремя отрядами. В работу медико-антропологического отряда входило уточнение племенного состава населения (бурят, монголов, хамниган, русских казаков) и его распределения по территории аймака. Предусматривалось изучение физического типа населения, его расовой конституции, особенностей развития человеческого организма под влиянием окружающей среды, вопросов метисации (бурят и

эвенков, бурят и русских), изоаглютинации крови, вопросов репродуктивного здоровья, детской смертности, проблем материнства и младенчества, гигиены питания и коммунальной гигиены, болезней половой сферы, эпидемических и социальных заболеваний. В планы этнологического отряда в основном входило изучение видов традиционного хозяйствования, вопросов землепользования, семейно-родового быта. Историко-культурный отряд должен был заниматься археологическими исследованиями в долине р. Онон [1, л. 101].

В планах научного исследования населения Бурят-Монголии на 1927–1931 г. определены принципы формирования научных экспедиций и сроки их работы. Ядром экспедиции был начальник, объединявший все работы по изучению человека. Другими постоянными сотрудниками являлись заведующие партиями (отрядами). Остальные участники приглашались только на время полевых исследований. Срок деятельности отряда составлял 6 месяцев, полевые работы длились 4 месяца. Ко всем трем исследовательским партиям прикреплялись 5 переводчиков.

Медицинское изучение бурят включало работу обследовательских венотрядов Наркомздравов БМАССР и РСФСР в 1924–1931 г., советско-германской экспедиции по изучению сифилиса 1928 г., экспедиций Центрального туберкулезного института 1929 и 1930 г., научных экспедиций Наркомздрава РСФСР и Деткомиссии ВЦИК 1929 г. по изучению здоровья детей в Бурят-Монгольской АССР и туберкулезной экспедиции Мосгорздравотдела в 1933 г.

Работавшая летом 1928 г. в Хоринском аймаке советско-германская научно-медицинская экспедиция поставила на повестку дня новые вопросы о природе сифилиса в Бурят-Монголии. В своей статье, опубликованной в 1928 г. в «Правде» В.М. Броннер охарактеризовал ее как «научное предприятие по изучению сифилиса как фактора вырождения культуры отсталых народов» [11, с. 228]. В ходе полевой работы немецкие врачи сконцентрировали основное внимание на клинических аспектах третичного люэса, проверяя точность гипотезы К. Вильманса о роли сальварсанотерапии в мутациях бледной трепонемы. Советские же специалисты сосредоточились на путях распространения инфекции, выявив в них существенную роль половых обычаев и полового быта бурят. В то же время, совместная экспедиция обнаружила существенные различия в научных повестках советских и немецких врачей. Немцы рассматривали бурят как подопытную группу населения, советские же исследователи видели в них народ, будущее которого вызывало серьезные опасения [11, с. 231].

Результаты работы научных отрядов нашли отражение в ряде публикаций, вышедших в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Обширные коллекции собранных материалов находятся на хранении в фондах центральных российских архивов и музеев.

Так, в коллекциях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге хранится уникальное собрание фотоматериалов Бурят-Монгольской антропологической экспедиции 1931 г. Экспедиция под руководством научного сотрудника Музея антропологии и этнографии АН СССР Г.И. Петрова работала в июле-августе 1931 г. в деревне Полканово Кударинского сельсовета Троицкосавского аймака БМАССР. В фокусе ее исследований были бурятско-русские метисы, образовавшие в результате более чем двухсот лет смешанных браков одно из крупнейших поселений метисов в республике [12, с. 86–87].

В ходе тщательного обследования ученые пришли к выводам об отсутствии каких-либо оснований считать метисов «неполноценными» в физическом отношении. Напротив, по мнению главы экспедиции Г.И. Петрова «они и крепче и красивее своих производителей и отличаются завидной плодовитостью» [12, с. 91].

Задачи расовой антропологии и медицины решались в ходе исследования групп крови у бурят Агинского аймака БМАССР, проводившиеся экспедицией Бурнаркомздрава под руководством В.Н. Жинкина в 1927 г. Советские медики считали, что агинские буряты представляли собой эталон чистоты крови, практически не затронутый метисацией. Исследования изогемоагглютинации и расово-биохимического указателя Хирцфельда были направлены на глубинное изучение расовых и биологических характеристик бурят. В частности, была предпринята попытка выяснить, имеет ли расово-биологический указатель отношение к распространенности среди них социальных болезней, в особенности, сифилиса [4, с. 4–8]. Медицинские и антропологические экспедиции сыграли большую роль в оздоровлении бурятского народа в 1920-х — начале 1930-х гг. В ходе них удалось определить наиболее проблематичные области и направить меры по оздоровлению на пути развития личной и общественной гигиены, трансформации полового быта, стимулирования рождаемости и здорового образа жизни, охраны материнства и младенчества. Идеологическая кампания сочетала массовое санитарное просвещение с простыми, но действенными приемами социальной мобилизации, представлявшими венерические болезни и туберкулез как враждебное новому строю наследие царизма. Центральное значение этих элементов в кампаниях по оздоровлению автохтонов БМАССР подразумевает, что по своей сути они являлись этапами программы радикальной трансформации физического состояния и быта бывших «малокультурных народов».

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). — Ф. Р-250. — Оп. 1. — Д. 1.
2. ГАРБ. Ф. Р-665. — Оп. 1. — Д. 1.
3. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение / А. А. Елаев. — М.: Вестком, 2000. — 352 с.

4. Жинкин В. Н. О кровяных группах и расово-биохимическом указателе у агинских бурят / В. Н. Жинкин. — Верхнеудинск, 1927. — 10 с.
5. Митин В. В. Из истории деятельности Монгольской комиссии АН СССР в 1920-е годы / В. В. Митин // *Метаморфозы истории*. — 2002. — № 2. — С. 106–128.
6. Митин В. В. Наука и политика: советские ученые в Монголии в 1920–1930-е гг. / В. В. Митин // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки*. — 2013. — № 3. — С. 34–40.
7. Плеханова А. М. Проект создания Ленско-Байкальской области: экономическая целесообразность, интересы национальной автономии или геополитический приоритет / А. М. Плеханова // *Гуманитарный вектор*. — 2010. — № 3 (27). — С. 145–149.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 372. — Оп. 1. — Ед. хр. 127.
9. РГАСПИ. — Ф. 372. — Оп. 1. — Ед. хр. 210.
10. Rupen R. The Buriat Intelligentsia / R. Rupen // *The Far Eastern Quarterly*. — 1956. — № 15. — P. 383–398.
11. Solomon S. The Soviet-German Joint Syphilis Expedition to Buriat-Mongolia, 1928: Scientific Research on National Minorities / S. Solomon // *Slavic Review*. — 1993. — Vol. 52. — № 3. — P. 204–232.
12. Хартанович М. Ф. Бурят-монгольская антропологическая экспедиция АН СССР 1931 г. / М. Ф. Хартанович // *Наука из первых рук*. — 2011. — № 3. — С. 84–91.
13. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение / Н. М. Ядринцев. — СПб. : Издание И. М. Сибирякова, 1891. — 307 с.

Информация об авторе

Башкуев Всеволод Юрьевич — старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: seva91@yahoo.com.

Author

Vsevolod Yu. Bashkuev — Senior Research Fellow, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of SB RAS, 6 Sakhyanova str., 670047, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: seva91@yahoo.com.

УДК 339.727.2

ББК 65.9(2)26

**Ю.П. ГОЛИЦЫН,
А.С. СОКОЛОВ**

ВНЕШНИЕ ЗАЙМЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ АКЦИОНЕРНЫХ КОМПАНИЙ В 1920–1930-е ГОДЫ

Рассматривается развитие фондового рынка в СССР в период ускоренной индустриализации. Особо внимание уделяется выпуску государственных займов в Сибири и на Дальнем Востоке, предназначенных для размещения на внешнем рынке.

Ключевые слова: государственный долг, Госбанк, Дальний Восток, облигации займов.